

БОГОСЛОВИЕ КАК ТОЧНАЯ НАУКА

PRO ET CONTRA

Розалия Моисеевна Рупова

доктор философских наук
доцент кафедры библеистики Московской духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
доцент кафедры современных аксиологических проблем
и религиозной мысли Российского государственного социального
университета
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
rozaliya-rupova@yandex.ru

Для цитирования: Рупова Р. М. Богословие как точная наука: pro et contra // Богословский вестник. 2024. № 1 (52). С. 89–99. DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.004

Аннотация

УДК 2-1

В статье описывается формирование современного богословского дискурса как раздела научного знания. В результате осмысления социокультурных аспектов драматических событий XX в. и, как следствие, острых дискуссий отечественное научно-образовательное сообщество признало теологию одной из гуманитарных наук. Автор ставит вопрос о том, что православное богословие, затрагивая глубинные вопросы человеческого бытия и в силу этого относясь к гуманитарным наукам по определению, в то же время может рассматриваться и как точная наука в силу принципиальной отграниченности своих дискурсивных средств, понятийного аппарата, опытно-антропологической базы (аскеза). Более того, указанные характеристики восточно-христианской традиции позволяют рассматривать её как научную эпистему. При этом исторические трансформации теоретических оснований таких признанных точных наук, как математика, физика, астрономия дают основание поставить под сомнение признание их в качестве точных.

Ключевые слова: христианское богословие, восточно-христианская традиция, точные науки, эпистема.

Theology as An Exact Science: pro et contra

Rosaliya M. Rupova

Doctor of Philosophical Sciences

Associate Professor at the Department of Biblical Studies at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141312, Russia

Associate Professor at the Department of Modern Axiological Problems and Religious Thought at the Russian University of State for Social

4/1, Wilhelm Pieck's st., Moscow, 129226, Russia

rozaliya-rupova@yandex.ru

For citation: Rupova, Rosaliya M. "Theology as An Exact Science: pro et contra". *Theological Herald*, no. 1 (52), 2024, pp. 89–99 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.004

Abstract. The article provides an overview of the formation of modern theological discourse as a section of scientific knowledge. As a result of understanding the sociocultural aspects of the dramatic events of the twentieth century, as well as as a result of heated discussions, recognition of theology as one of the humanities was achieved in the domestic scientific and educational space. The author raises the question that Orthodox theology, touching on the deep issues of human existence and, therefore, relating to the humanities «by definition», can at the same time be considered as an «exact science» – due to the fundamental «distinction» of its discursive means, conceptual apparatus, experimental and anthropological base (asceticism). Moreover, the indicated characteristics of the Eastern Christian tradition allow us to consider it as a scientific episteme. At the same time, the historical transformations of the theoretical foundations of such recognized exact sciences as mathematics, physics, and astronomy give reason to question their recognition as «exact».

Keywords: theology, Eastern Christian tradition, exact sciences, episteme.

Мир, в котором нам выпало жить, буквально оккупирован технотронной цивилизацией. Её власть и влияние простираются столь широко, столь впечатляет её размах и столь победоносно её триумфальное шествие, что под вопрос ставится сама необходимость гуманитарного знания. В условиях очевидных успехов научно-технической индустрии происходит перенос определяющих ценностно-смысловых позиций из гуманитарных наук в сферу естествознания и техники. При этом «отсутствуют чётко артикулированные оценки того, какой вклад в будущее страны должны сделать социогуманитарные науки, на какие вызовы без их помощи невозможно ответить, какая роль отведена гуманитариям в развитии человеческого ресурса, являющегося ключевым для общества»¹. В этом проявляется крайне опасная тенденция дегуманизации культуры.

По сути, это один из фронтов современной битвы за человека. Богословию, обоснованно попавшему в разряд одной из гуманитарных наук, принадлежит в этом противостоянии особая роль, поскольку оно отстаивает самого человека как образ Божий, как высший смысл его личного и исторического бытия в мире. Но что такое само богословие? Огромное количество книг с изложением вероучения оставляют за кадром, как самоочевидный, вопрос о его сущности, смысле, методах и назначении. Но без такой рефлексии невозможно выстроить системное учение Церкви о Боге, Его Промысле о мире и человеке. Приведём слова профессора Н. Н. Глубоковского:

«Богословие, верное своему идеалу, будет наиболее совершенным знанием, если оно не забудет, что в качестве науки должно средствами человеческого разума стремиться к постижению объекта своей веры, достигая точного познания лица и дела Господа-Спасителя»².

Судьба богословия в XIX в. и XX в. была довольно драматичной. В XIX в., при активном наступлении позитивизма, осуществлялись попытки опрокинуть всё здание богословской науки и даже снести её академический фундамент³. В этой ситуации богословию пришлось отстаивать своё право на научность с кафедр духовных академий. Как писал профессор Н. Н. Глубоковский,

- 1 *Аргамакова А. А.* Насколько гуманитаристика может быть социально полезной // *Философские науки.* 2016. № 8. С. 92.
- 2 *Глубоковский Н. Н.* Богословие как наука // *Он же.* Академические обеты и заветы. Москва; Сергиев Посад, 2005. С. 46.
- 3 Там же.

«мы должны стремиться к тому, чтобы нас приняли в сонм наук <...> светильник богословского ведения достоин сиять не в затворе словности, но в святилище высшего человеческого знания»⁴.

При этом право на научность в особой ситуации начала XX в. требовало обновлённой аргументации с учётом того, что происходило в светской науке в этот период.

Наука на рубеже XIX в. и XX в. переживала глубокий кризис, повлёкший за собой пересмотр её оснований и смену научной парадигмы. Прежде всего, это касалось естествознания. Поистине, головокружительные открытия в сфере физики: корпускулярно-волновой дуализм, квантованность энергетических уровней распределения элементарных частиц внутри атома, теория относительности А. Эйнштейна, связавшая пространственно-временные и энергетические характеристики объекта с его движением на скорости, сопоставимой со скоростью света, и другие — определили наступление научной революции. Параллельно в математике назревала глубокая трансформация, поскольку на протяжении всего XIX в. в этой науке происходили тектонические сдвиги, связанные с открытием Н. И. Лобачевским неевклидовой геометрии, введением теории множеств Г. Кантором... Эти процессы, коренным образом изменившие фундаментальные космологические представления, не могли не затронуть философии, в поле зрения которой всегда были вопросы онтологии, замыкавшие на себя и весь свод философской проблематики, а значит, и всю гуманитарную сферу. В целом, означенные процессы знаменовали завершение эпохи Нового времени, начало которому положил европейский Ренессанс. Европейская цивилизация вступила в эпоху Постмодерна. В каких условиях оказалось богословие?

В положении богословия произошло нечто совершенно непредсказуемое. В качестве аналогии можно обратиться к библейской ситуации Вавилонского плена. Храм разрушен Навуходоносором, Иерусалим стёрт с лица земли, народ-богоносец в плену, да и само Вавилонское царство пало под натиском персов. Казалось бы, можно уже поставить точку на Священной истории. Но происходит парадоксальное: могущественный Кир, царь персидских завоевателей, вдруг становится инициатором репатриации евреев и восстановления разрушенного Храма в Иерусалиме. Эта инициатива получает организационно-материальное

4 Глубоковский Н. Н. Сила христианского знания // *Он же*. Академические обеты и заветы. Москва; Сергиев Посад, 2005. С. 40.

подкрепление и доводится до осуществления уже наследниками Кира на царском престоле. Таким образом, вопреки всякой исторической логике, возводится Второй Храм, возобновляется культ Единого Бога Израиля, а народ, получивший болезненную прививку языческого плена, исцеляется от недуга идолопоклонства. С богословской мыслью случилось нечто подобное: в сфере гуманитарного знания, вытесненного на периферию индустриальной цивилизации, шли с нарастающей силой процессы, в которых богословие оказалось востребованным.

Процесс секуляризации, начатый в эпоху Ренессанса, первые шаги которого можно отследить со второй половины XIII в., на протяжении всего Нового времени неуклонно наращивал свою амплитуду. В XIX в. он достиг большого размаха; в частности, это проявилось в том, что эволюционное учение (бывшее в авангарде материализма и атеизма) проникло даже в стены духовных академий. Очевидные успехи научно-технического прогресса, распространение дарвинизма, предложившего теорию происхождения видов, в которой можно обойтись без вмешательства Провидения в мировую жизнь, а также позитивизм в своих различных форматах, признающий только науки, которые опираются на опыт, и объявивший ненаучным гуманитарное знание, начиная с философии, — все эти изменения стали определяющими факторами эпохи. Но среди затягивающейся стальной петли технического прогресса и соответствующих ему социоцентристских теорий, в которых историческая жизнь детерминирована исключительно материальными, экономическими факторами, неожиданно пронзительно зазвучали живые голоса. Эти голоса были услышаны и подхвачены в европейском культурном пространстве: от них начали формироваться смысловые волны, обратившиеся затем в содержательные потоки, несущие цивилизации христианские темы. На Западе это был С. Кьеркегор (1813–1855 гг.), поднявший бунт против объективной философской истины и разработавший концепцию истины экзистенциальной, замкнутой на уникальную личность человека, ведущего неповторимый диалог с Богом. Посредством цепочки влияний, через представителей «философии жизни»⁵ можно проследить связь этих идей с возникшим в начале XX в. персонализмом, который не был «философским направлением», а, по выражению одного из его создателей Э. Мунье (1905–1950 гг.), «свидетельством того, что в основе всех философских

5 Ф. Ницше (1844–1900), В. Дильтей (1833–1911), А. Бергсон (1859–1941).

и социальных устремлений лежит человеческая личность»⁶. Параллельно прокладывала исторические пути русская мысль, спецификой которой было то, что в ней глубокая философская работа нередко совершалась в формах художественной литературы. Такой экзистенциальный анализ человека осуществлён в творчестве Ф. М. Достоевского. Русская религиозная философия, проделавшая путь «от марксизма к идеализму», определила *main stream* в общем потоке европейского персонализма, когда, выплеснувшись в ходе революционных штормов за пределы России, она нашла себе место в Европе. Именно там, в формате созданного русскими эмигрантами Свято-Сергиевского богословского института в Париже, русская мысль, заново обретшая православие в живом диалоге с западным христианством, произвела богословскую работу, заставившую христианскую тему звучать с новой силой в европейском культурном пространстве. Именно там был подхвачен призыв прот. Г. Флоровского: «Вперёд, к Отцам», составивший смысловое ядро неопатристического синтеза. И на Западе стал набирать обороты процесс «патристического возрождения»⁷.

Цепь революций и войн XX в. породила антропологический кризис, который привёл к так называемому «антропологическому повороту», когда человек, уже переставший быть «гарантом истории», оказался в фокусе внимания практически всех направлений научной мысли. Сформировавшийся персонализм оказался в этих условиях крайне востребованным течением.

Встречи и пересечения этих двух потоков: европейского персонализма, усиленного «антропологическим поворотом», с одной стороны, и православного богословия, пережившего расцвет в рамках Парижской школы, с другой, — привели к тому, что тема человека пронзительно зазвучала в богословском дискурсе. Как известно, антропология не была системно разработана в святоотеческом богословии, за исключением Халкидонского Собора 451 г., утвердившего догмат о соотношении божественной и человеческой природ во Христе. В XX в. богословско-антропологический синтез осуществлялся крупнейшими представителями православной мысли: В. Н. Лосским,

6 См.: Лега В. П. История западной философии. Ч. 2: Новое время. Современная западная философия. Москва, 2014. С. 515.

7 Уточним, что западное «патристическое возрождение», проявившееся в масштабных издательских проектах по переводу и комментированию отцов Церкви, было инициировано не только призывом прот. Г. Флоровского, но и логикой собственного развития христианской традиции.

прот. Г. Флоровским, прот. И. Мейендорфом, архим. Киприаном (Керном) и др. К концу XX в. этот процесс привёл к формированию православного богословия личности, связанного уже с целым спектром новых имён⁸.

При этом положение богословия в культуре неожиданно изменилось. Секуляризм, на протяжении нескольких веков сжимавший свои стальные тиски, с окончанием эпохи Нового времени сам вошёл в состояние кризиса и дал трещину. Постмодерн, в игровом режиме смешивающий все культурные традиции, «высокое» и «низкое», провозгласивший «запрет на истину» и «смерть субъекта», захватив права распорядителя в культуре, предоставил право голоса всему и всем, без цензуры. Эта ситуация, далёкая от идеальной и имевшая свою специфику на Западе и Востоке, всё же была альтернативой гонений периода господства тоталитарных режимов. Голос Церкви, прошедшей период мученичества и исповедничества, зазвучал открыто.

А на рубеже III тысячелетия богословию в России пришлось отстаивать своё право на научность перед учёным сообществом, сформировавшимся на почве материализма и атеизма. Мы знаем, что в острых дискуссиях, которые охватили практически все слои российского общества и велись на разных площадках: в академиях, в студенческих собраниях, в широком социальном поле в Интернете — победа была одержана. В результате на арену вышла теология как направление подготовки высшей школы и как признанная ВАК научная специальность, по которой можно защищать диссертации и получать учёную степень. Этот важный этап можно считать восстановлением исторической справедливости, устранением идеологических перекосов и новой точкой отсчёта в богословском осмыслении всего комплекса проблем, поставленных перед нами цивилизацией с её старыми и новыми рисками.

Но далее очевидно следующее: наш культурный мир находится в состоянии общей духовной дезориентации. Мы не найдём ни одного всеобщего принципа, который мог бы быть положен в основу консолидации его распадающихся элементов. Научные теории на протяжении всего Нового и Новейшего времени приобретали статус религиозного догмата, при этом они регулярно обесценивались и заменялись новыми. При наличии перманентного глобального кризиса малоэффективные экономические, экологические, социально-политические модели едва удерживают неустойчивый баланс мира, регулярно нарушаемый острыми локальными социально-политическими кризисами

8 См.: *Мефодий (Зинковский), иером.* Богословие личности в XIX–XX веках. Санкт-Петербург, 2014. С. 281.

и войнами разного масштаба. В прошлом веке прот. Г. Флоровский утверждал, что богословский дискурс может распространяться на всю область культуры:

«По существу, наше отношение к “культуре” есть не практический выбор, а *богословская позиция* от начала до конца»⁹.

Г. Флоровский считал богословие универсальным средством рассмотрения всех аспектов культуры. Наука, как часть культуры, соответственно, также подлежит богословскому осмыслению.

Более того, можно утверждать, что восточно-христианская традиция обладает эпистемологическим ресурсом, позволяющим обеспечить формирование системного подхода для богословской интерпретации научного знания и смысла культуры в целом. Этот эпистемологический статус опирается на детально разработанную опытно-антропологическую базу православной аскезы, составляющую каркас догматического учения Церкви. При этом западная схоластика, не имевшая такой опоры, сравнительно быстро сломала догматические барьеры и встала на путь чисто секулярного рационализма, имеющего опору в самом себе.

Весь исторический путь Церкви, особенно в эпоху Вселенских Соборов, был путём отграничения понятий, поиска наиболее точных рациональных средств для выражения Благовестия — эта работа велась в режиме острого противостояния ложным, еретическим учениям. В итоге вероучение было выстроено как упорядоченная система знания.

«Богословие является “точной” наукой, и богослов не имеет права оперировать в своей работе ни двусмысленными терминами, ни понятиями, лишёнными точно определённого содержания»¹⁰.

Это имеет важное практическое значение как для отдельного человека, так и для общества в целом.

Если обратиться к наукам, которые, по традиции, считаются точными, то мы легко убедимся, что их точность — лишь устойчивый стереотип мышления, не имеющий под собой незыблемого основания. Прежде всего, речь идёт о математике. Её успехи практически на всём протяжении истории в две с половиной тысячи лет стяжали ей ореол незаходящей научной славы. Известное выражение И. Канта о том,

9 Флоровский Г., прот. Вера и культура 1 // Он же. Вера и культура: [Избранные труды по богословию и философии] / ред. И. И. Евлампиева, В. Л. Селиверстова. Санкт-Петербург, 2002. С. 656.

10 Давыденков О., прот. Богословская терминология: Основные понятия / ред. прот. Н. Емельянов, С. А. Чурсанов. Москва, 2023. С. 7.

что мера присутствия математики в той или иной науке есть мера её научности, прекрасно подтверждает высокий научный статус математики. Начиная с эпохи Просвещения, делались попытки применения отдельных математических понятий и методов в сфере гуманитарного знания. В XIX в. были открыты неевклидовы геометрии (1826 г. — Н. И. Лобачевским, 1854 г. — Б. Риманом), что привело к осознанию того, что математические законы не являются абсолютной истиной.

«Математики с досадой и огорчением обнаружили, что несколько различных геометрий одинаково хорошо согласуются с наблюдательными данными о структуре пространства. Но эти геометрии противоречили одна другой; следовательно, все они не могли быть одновременно истинными. Отсюда напрашивался вывод, что природа построена не на чисто математической основе <...> Ключ к реальности был утерян»¹¹.

Из этой ситуации следовало, что математические *аксиомы* по значению не отличаются от *гипотез* в естествознании. Выходит, что «обоснование математических истин фактически ничем не отличается от обоснования нематематических наук. Оно протекает как процесс выдвигания и испытания математических гипотез»¹². Возник кризис, потребовавший пересмотра оснований математики. Было установлено, что нередко вместо логических выводов в математике применялись интуитивные аргументы, апелляции к наглядности, адресация к физике и т. п.

Если обратиться к другой точной науке — физике, то, очевидно, что динамика её изменений, вплоть до смены ключевых представлений о пространстве – времени – материи, лишает её права претендовать на незыблемость и однозначность её фундаментальных установок. Научные революции и смена парадигм, происшедшие в европейской науке, как минимум, дважды за последние пятьсот лет (в XVI в. и начале XX в.) порождали и смену космологических моделей, что оказывало существенное влияние на астрономию. Очевидно, что ни одна из наук, традиционно считавшихся точными, таковыми, по сути, не являются.

При этом православное богословие, подобно оси гироскопа, сохраняет свою прецизионность, указывая плывущему в штормовых исторических волнах кораблю человечества точные духовные ориентиры,

11 Клайн М. Математика. Утрата определённости. Москва, 1984. С. 13.

12 Светлов В. А. Философия математики. Основные проблемы обоснования математики XX столетия. Москва, 2006. С. 24.

без которых цивилизация со всем её научно-техническим инвентарём может пойти ко дну.

Точность богословия не есть вопрос интеллектуального постижения теоретических положений, но устанавливается в контексте Предания Церкви через полноту и многообразие её жизни в Откровении.

Как утверждает митрополит Каллист (Уэр),

«наша частная жизнь, личные отношения и все наши планы по построению христианского общества зависят от правильного понимания тринитарного богословия»¹³.

Выводы

Многосложность нашего присутствия в мире, разноплановость общения и деятельности, весь ансамбль проявлений социальной жизни — всё это обретает свой подлинный смысл и меру при соотношении с системой координат православного богословия. В нём непостижимым образом сочетается личностный характер Бого-человеческих отношений с предельной точностью богословского дискурса, дающего ключ к пониманию человека как образа Божия, и всего человеческого. Таким образом, богословие, несомненно, является точной наукой, открывающей миру его Первопричину, а также смыслы и цели его бытия.

Источники

Глубоковский Н. Н. Сила христианского знания // *Глубоковский Н. Н.* Академические обеты и заветы. Москва; Сергиев Посад: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 2005. С. 39–43.

Глубоковский Н. Н. Богословие как наука // *Глубоковский Н. Н.* Академические обеты и заветы. Москва; Сергиев Посад: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 2005. С. 44–46.

Давыденков О., прот. Богословская терминология: Основные понятия / ред. прот. Н. Емельянов, С. А. Чурсанов. Москва: Изд. ПСТГУ, 2023.

Каллист (Уэр), еп. Бог и человечество // *Каллист (Уэр), еп.* Православная Церковь. Москва: Библиейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2001. С. 216–246.

Мефодий (Зинковский), иером. Богословие личности в XIX–XX веках. Санкт-Петербург: Изд. Олега Абышко, 2014.

13 *Каллист (Уэр), еп.* Бог и человечество // *Он же.* Православная Церковь. Москва, 2001. С. 216.

Флоровский Г., прот. Вера и культура // *Флоровский Г. В.* Вера и культура: [Избранные труды по богословию и философии] / ред. И. И. Евлампиева, В. Л. Селиверстова. Санкт-Петербург: Изд. РХГА, 2002. С. 650–670.

Литература

Аргамакова А. А. Насколько гуманитаристика может быть социально полезной // Философские науки. 2016. № 8. С. 91–99.

Клайн М. Математика. Утрата определенности. Москва: Мир, 1984.

Лега В. П. История западной философии: [в 2 ч.]. Ч. 2: Новое время. Современная западная философия. Москва: Изд. ПСТГУ, 2014.

Светлов В. А. Философия математики. Основные проблемы обоснования математики XX столетия. Москва: КомКнига, 2006.